

**Волкова Татьяна Федоровна**

Доктор филологических наук, доцент,  
Сыктывкарский государственный  
университет имени Питирима Сорокина  
(Сыктывкар, Россия)  
E-mail: volkovatf777@gmail.com

**Volkova Tatyana Fedorovna**

Doctor of Philology Sciences,  
Associate Professor,  
Pitirim Sorokin Syktyvkar State University  
(Syktyvkar, Russia)  
E-mail: volkovatf777@gmail.com

**РОЛЬ ЛЕКСИЧЕСКИХ И  
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ  
ВАРИАНТОВ В УСТАНОВЛЕНИИ  
РЕДАКЦИЙ ДРЕВНЕРУССКИХ  
СОЧИНЕНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ  
ПЕЧОРСКИХ СПИСКОВ  
«ПОВЕСТИ О КУПЦЕ,  
ОБОГАТИВШЕМСЯ УТВАРИЮ  
ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ»)**

**THE ROLE OF LEXICAL AND  
PHRASEOLOGICAL VARIANTS IN  
THE ESTABLISHMENT OF  
EDITORIALS OF THE ANCIENT  
COMPOSITIONS (ON THE  
MATERIAL OF THE PECHORISTIC  
LISTS "TO REMEMBER ABOUT THE  
MERCHANT, ENRICHED WITH THE  
UTENSILS OF THE BLESSED  
VIRGIN")**

**Аннотация.** В статье путем анализа лексических и фразеологических разночтений показывается их роль в создании новых редакций и вариантов древнерусских сочинений, переосмысленных в старообрядческой среде XIX в. Эти приемы редакторской работы анализируются на материале вводимой в научный оборот ранее не исследованной переработки печорским книжником второй половины XIX в. Иваном Степановичем Мяндиным древнерусской «Повести о купце, обогатившемся утварию пресвятой Богородицы», дошедшей в двух разных вариантах. Автор проводит текстологическое исследование мяндинских списков Повести в сопоставлении со списком XVII в. и устанавливает, с одной стороны, текстуальную связь между ранним списком повести и печорскими списками XIX в., с другой стороны, выявляет их различия, позволяющие охарактеризовать редакторскую работу крестьянина-устыцилема.

**Abstract.** In the article, by analyzing lexical and phraseological discrepancies one reveals their role in the creation of new editions and versions of ancient Russian works, rethought in the Old Believer environment of the 19th century. These methods of editorial work are shown on the material of the introduced into scientific circulation Old Russian revision, made by the Pechora scribe Ivan Stepanovich Myandin (the second half of the nineteenth century) "Tale of a Merchant, Enriched with the Utensils of the Blessed Virgin". This tale which is extant in two different versions and has not been studied yet. The author carries out a textual study of the Myandinian lists of the Tale in comparison with the list of the 17th century and makes, on the one hand, a textual connection between the early list of the story and the Pechora lists of the 19th century, on the other hand, reveals their differences, which gives the possibility to characterize the editorial work of the peasant Ustsilem.

**Ключевые слова:** лексика, фразеология, текстология, древнерусская литература,

**Keywords:** vocabulary, phraseology, textology, Old Russian literature, Old Believers

### Введение

Для текстологических исследований средневековых повествовательных произведений важнейшее значение приобретают лексические и фразеологические разночтения списков. Они позволяют охарактеризовать стиль писца, уточнить его представления о развитии сюжета, выявить изменения в образе героя повествования и в конечном счете установить факт создания данным писцом новой редакции или варианта исследуемого произведения. Покажем значение исследования лексических и фразеологических вариантов в поздней старообрядческой литературе, часто обращавшейся к древнерусским сочинениям, по-своему их интерпретируя. К числу таких сочинений, ставших материалом для старообрядческих книжников, относится и древнерусская «Повесть о купце, обогатившемся утварию пресвятой Богородицы». Она стоит в ряду практически не исследованных памятников древнерусской литературы. Нам пока известен только один ранний список Повести, опубликованный в «Памятниках», издаваемых Г. Кушелевым-Безбородко [8]. Список озаглавлен «Слово о некоем купце» и сопровождается краткими комментариями издателя, в которых он указывает, что Повесть находится в сборнике XVII в., который был «доставлен гжею Савушкиной», но откуда он был привезен, не сообщается. Однако издатель высказывает предположение о происхождении легенды, ссылаясь на текст Повести: «Плачь, вместо плачь, особенность новгородского наречия, в котором ч заменяет ц. Вместе с этим признаки характера торгового быта этой легенды также заставляют предполагать, не сложилась ли она в Великом Новгороде? Особенности языка и склада показывают, что она старинного происхождения» [8, с. 134]. В дальнейшем этот ранний список Повести мы будем условно обозначать как список К.

Во второй половине XIX в. Повесть привлекла внимание известного печорского книжника-старообрядца Ивана Степановича Мяндина (см. о нем: [10], [6]), который неоднократно редактировал древнерусские литературные тексты, создавая свои редакции этих произведений [3]. Сохранилось два списка Повести, переписанные легко узнаваемым почерком Мяндина и входящие в известные сборники его переработок. Один из списков находится в составе сборника РНБ, НСРК О. 100 (л. 71–74) из собрания проф. М.А. Яковлева, который получил ее от В.И. Малышева для работы со студентами [9, с. 39, сн. 1] (см. о рукописи: [5, с. 208–209]), и имеет заглавие «Повесть о некоем милостивом купце, како обнища и помощью пресвятыя Богородицы паки обогате» (далее – список Як).

Другой мяндинский список Повести о купце находится в сборнике, сейчас хранящемся в Научной библиотеке Сыктывкарского университета им. Питирима Сорокина (Усть-Цилемское собр. рукописей, № 46 (л. 331 об. 333)). О происхождении сборника и его составе см.: [4, с. 208–209]. По жанру сборник можно отнести к Торжественникам [15], хотя Мяндин соединил в нем тексты, читающиеся в разных видах Торжественника, и добавил в него целый ряд нетрадиционных для этого типа книги литературных текстов, причем в собственной редакции [2, с. 412–419]. В этом списке Повесть имеет иное название – «Чудо пресвятыя Богородицы о купце, како

обнищавшу ему, обогатися утварию пресвятыя Богородицы». Непосредственный источник Мяндина пока не установлен. Возможно, при изучении северно-русских рукописных сборников из разных регионов найдутся и другие списки этой повести, текст которых окажется близок тексту мяндинских списков. Пока же при характеристике мяндинских списков Повести мы можем сопоставлять их только с опубликованным списком XVII в., с текстом которого, как будет показано ниже, в списках Мяндина много дословных совпадений.

Изучением Повести о купце я начала заниматься еще в 2006 г. вместе со своей ученицей Л.Л. Малышевой, защитившей в 2011 г. дипломную работу «Образ купца в средневековой русской литературе и печорской рукописной традиции», однако результаты этого исследования до сих пор не были введены в научный оборот, так как приведенные в нем наблюдения о соотношении списков Повести нуждались в корректировке и углублении. Вернувшись к этой теме, я заново провела текстологический анализ всех списков Повести, результаты которого предлагаю в данной статье.

### Основная часть

Исследуемая нами Повесть относится к жанру чудес от богородичных икон, представляющему собой особую разновидность агиографических сочинений [11], достаточно широко представленную в печорской рукописной традиции (см., например: [7], [12], [13]). Фабула повести такова: некий богатый купец, разорившись, стал молиться перед иконой Богородицы о том, чтобы она отдала ему на время свою богатую «утварь» – убранство иконы, чтобы он мог с его помощью поправить свои торговые дела. Богородица услышала мольбу купца, и однажды он нашел в церкви ее «утварь» отделившейся от иконы. Купец забрал богатое убранство иконы и отправился на «гостьбу». Ему удалось снова разбогатеть, поэтому он смог вернуть иконе Богородицы ее «утварь» и поделиться своим богатством со служителями церкви и нищими.

Сопоставительный анализ трех списков Повести показал, что эта фабула сохраняется в обеих мяндинских версиях Повести, однако на уровне сюжета в них произошли под пером печорского книжника определенные изменения, связанные главным образом с лексической разработкой темы Мяндиным, что будет показано ниже. Наши наблюдения над текстами трех списков сводятся к следующему.

Во-первых, связь печорских списков Повести XIX в. со списком XVII в. прослеживается не только на уровне фабулы: целый ряд фрагментов текста и отдельные чтения во всех трех списках совпадают дословно, иногда с небольшими орфографическими вариантами, например:

| К                                                                                                                                                       | Т                                                                                                                                                             | Як                                                                                                                                                         |
|---------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|---------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|
| Бѣ нѣкий челоувѣкъ купецъ христолюбивъ и милостивъ до нищихъ. Куплю дѣя, раздѣляше на три части: едину нищимъ, а вѣторую на пищу себѣ, а третю на куплю | Бѣ нѣкий купецъ христолюбивъ и милостивъ к нищимъ. Куплю свою раздѣляше на три части: едину нищимъ и страннымъ, другую же на пищу дому своему, третю на куплю | Бѣ нѣкий купѣцъ в нѣкомъ градѣ, христолюбивъ и многомилостивъ к нищимъ. Куплю раздѣляше на три части: едину нищимъ, вѣторую на пищу себѣ, а третю на куплю |

Сходно во всех трех списках и описание богатого убранства иконы:

| К                                                                                                             | Т                                                                                                                        | Як                                                                                                                           |
|---------------------------------------------------------------------------------------------------------------|--------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|
| Бяше бо икона святая Богородица украшена всякою <i>тварью</i> : златомъ и серебромъ, и каменимъ драгимъ (...) | Бяше бо икона пресвя-<br>тая Богородицы украшена<br>всякою утварию: златомъ<br>и серебромъ, и каменiemъ<br>драгимъ (...) | Бѣ же ту икона пресвя-<br>тая Богородица украшена<br>всякою утварию: златомъ и<br>серебромъ, и каменiemъ дра-<br>гимъ (...). |

Есть такие дословные совпадения во всех трех списках Повести и в других фрагментах, хотя к концу Повести их становится меньше. В целом же текст мяндинских списков существенно отличается от текста списка К, при этом целый ряд чтений объединяет только мяндинские списки и свидетельствует о том, что эти списки сходны не только почерком, а принадлежат руке одного редактора.

Текстовые совпадения списков Т и Як, отличные от К, многочисленны, но выявляются только после тщательного их сопоставления, так как они окружены в тексте мяндинских списков, с одной стороны, чтениями, восходящими к архетипу Повести и потому сходными во всех трех списках, с другой стороны, оригинальными чтениями печорских списков, присущими только одному из них. Приведу примеры таких общих чтений Т и Як.

Мяндин последовательно в обоих списках именуется Богородицу «пресвятой», тогда как в списке К она всегда «святая»; в обоих списках прослеживается другой, чем в К, порядок слов («о своихъ грѣсѣхъ» (Т и Як) – «о грѣсѣхъ своихъ» (К); Мяндин использует наименование служителей церкви «церковницы» (в К – абстрагированное «иѣции»); почти дословно в печорских списках совпадают фразы и отдельные словосочетания: «яко уже три дни погibe (...) утварь» (Т); «яко три дни погibe утварь» (Як) – ср. в К: «погибшую утварь на иконѣ 3 дни»; «...моляхся (...), еже бы вдати мнѣ утварь» (Т) – «моляся (...), еже дати ми утварь» (Як); ср. в К, где обращение купца к иконе Богородицы дано в форме прямой речи: «Пречистая! Дай же ми утварь...»; «И во единъ день внидохъ по обычаю и начахъ молитися (Т); «... во единъ день пришедшу в церковь по обычаю» (Як); ср. в К: «Во единъ же день внидохъ в церковь на заутреню»; «Се же слышавше церковницы, дивишася, яко **чрезъ** все **годищное время** ...» (Т); «Се же слышавше вси, дивишася, како **чрезъ годищное время**...» (Як); ср. в К: «И се слышавше, удивишася вси и прославиша ... Богородицю»; «... и обрѣтохъ утварь, лежащу саму о себѣ **пред иконою** ея (Т); «... и абие узрѣ утварь оную **пред иконою** лежащу просту» (Як); ср. в К: «... и обрѣтохъ на мѣстѣ утварь лежащу».

В большей степени явная работа печорского книжника над сюжетом Повести ощущается на текстовом уровне, и наличие в нашем распоряжении списка XVII в., текст которого, как мы показали, «просвечивает» в поздних печорских списках, позволяет охарактеризовать эту работу. Во-первых, при внимательном сравнении текстов обнаруживается разное соотношение печорских списков со списком К: в одних случаях ближе к тексту XVII в. оказывается список Т, в других – Як.

Обратимся к тем фрагментам, в которых список Т дословно совпадает с К, а второй мяндинский список – Як – дает иное чтение. Например, в эпизоде, рассказывающем о том, как купец обнаружил отделившуюся от иконы «утварь», список Т

сохраняет некоторые чтения К, отсутствующие в Як: купец кланяется иконе «с плачем» (в К – «с плацемъ»); в Т, как в К, он «узрѣ» украшения иконы, тогда как в Як он «зритъ» их (те же чтения, совпадающие с К – «с плачем», «узрѣ» – сохраняются в Т и в рассказе купца служителям иконы о том, как он обрел ее «утварь»). Взяв украшения иконы, купец в Т, как и в К, идет «в домъ свой, славя святую Богородицу, помощницу печальнымъ», тогда как в Як. говорится только, что он «вземъ утварь оную и отиде». В сообщении о том, что служители церкви стали рассказывать купцу после его возвращения о пропаже «утвари» на иконе, в списке Т, как и в К, они «начаша повѣдати», а в Як – «сказаша». В обещании купца удвоить стоимость украшений иконы в Т используется то же чтение «вдвое», как и в К, тогда как в Як оно заменено синонимом «сугубо».

Вместе с тем, и в списке Як тоже есть чтения, сближающие его со списком К XVII в., отличные от Т. Например, в самом начале Повести, рассказывая о том, как купец до разорения делил свой капитал на три части, в Як, как и в К, говорится, что «вторую» часть он оставлял «на пищу **себѣ**», тогда как в Т – «другую же на пищу **дому своему**». Приведенный выше фрагмент, в котором описывается убранство иконы Богородицы, в списке Як заканчивается сходно со списком К: помимо золота, серебра и драгоценных камней икона была украшена «жемчюгомъ и множествомъ утвари» (К); «жемчюгом и множеством других благолѣпнѣйших украшений» (Як), тогда как в Т добавлено только «и бисеромъ». Рассказывая о том, что купец делал, получив «утварь» от иконы, список Як повторяет формулу К: «И пришедъ в гостьбу» (ср. в Т: «и отиде в гозбу»), и повторяет порядок слов списка К в словосочетании «лѣто все», говоря о продолжительности торговли купца (в Т: «все лѣто»). Список Як сохраняет мотив расспрашивания разбогатевшим купцом служителей церкви об иконе, следующий за сообщением, что купец после возвращения с «гостьбы» сразу пошел в церковь поклониться иконе: «И **вопроси** вины о иконѣ» (К); «И **вопроси** о иконѣ» (Як), тогда как в Т этот мотив отсутствует и служители церкви сами, без вопросов купца, начинают рассказывать о том, что уже три дня икона висит без «утвари». Сохраняет список Як некоторые слова и словосочетания списка К – дословно или в синонимическом варианте, опущенные в Т и в рассказе купца о приобретении им иконной «утвари» и возвращении с богатством после «гостьбы»: «понежѣ быхъ **убожалъ**» – К; «егда бѣхъ в **убожествѣ**» – Як (ср. в Т: «Егда азъ обнищавъ»); «И нынѣ придохъ со множествомъ богатства» (К и Як); ср. в Т: «И се точною три дни возвратихся во свой градъ».

Приведенные выше наблюдения могут быть объяснены двояко: либо Мяндин дважды обращался к одному и тому же источнику, близкому по тексту к списку К, либо в его распоряжении были два разных списка, и на одном этапе работы над текстом Повести он обращался к одному, а на другом – ко второму. Мы склонны предполагать первое, так как разночтения списков таковы, что наличие у печорского редактора двух разных и в то же время весьма близких по тексту списков Повести менее вероятно, чем его повторное обращение к одному и тому же источнику, тем более что такая практика отмечена исследователями на материале других переработок Мяндина.

Но в тексте мяндинских списков есть и такие фрагменты, которых вообще нет в тексте XVII в., и по своему стилю они близки к другим мяндинским переработкам. В

этих случаях мы можем говорить о художественной разработке печорским книжником ключевых эпизодов Повести. Рассмотрим те чтения мяндинских списков, которые позволяют рассматривать их как два варианта печорской редакции Повести.

Сравнительное исследование списков Т и Як привело нас к предположению, что первичным был список Т. Постараемся обосновать это анализом. Примем первичность списка Т как рабочую гипотезу и проанализируем, что в нем изменилось по сравнению со списком XVII в.

Первое, что сразу бросается в глаза, это стремление печорского книжника, которое прослеживается и в других его переработках, усилить эмоциональную сторону повествования. Данного эффекта Мяндин добивается, внося в текст в дополнение к архетипным чтениям, отразившимся в списке К, свои синонимы, подчеркивающие эмоциональное состояние героя Повести. Например, если в К упоминаются только слезы купца, когда он пришел к иконе Богородицы, то в списке Т это эмоциональное состояние героя усилено: перед иконой он **«плачяся вельми» «со многимъ сокрушением сердца»** (ср. в К: «И пришедь челоуѣкъ ко иконѣ святыя Богородица, со слезами глаголаше»). Сообщая о том, что Богородица слышала плач купца, Мяндин добавляет **«сердечный»**. Рассказывая о судьбоносном приходе купца в церковь, когда он обретает вымоленное убранство иконы, к словам, читающимся в К, «и поклонився с плачемъ», Мяндин добавляет **«и рыданиемъ»**.

В списке Т Мяндин старается усилить мотив чуда, случившегося в церкви, когда по молению купца богатое убранство иконы оказалось **«пред иконою лежащу»** (К). Он вводит возглас, который передает отношение к случившемуся самого рассказчика: **«О чудо! Внезапу узрѣ: драгая та утварь лежаше пред иконою сама о себѣ»**. В этой фразе каждое внесенное Мяндиным слово «работает» в нужном редактору направлении: **«внезапу»** драматизирует повествование, вносит мотив неожиданности в ту картину, которую «узрѣ» купец, напоминание о богатстве иконной «утвари» – **«драгая»** – подчеркивает материальную значимость дара Богородицы; замечание о том, что «утварь» иконы лежала **«сама о себѣ»**, подчеркивает чудесное отделение «утвари» от иконы: она становится как бы самостоятельным, независимым от иконы предметом. Значимость для Мяндина этого уточнения подтверждается его повторным употреблением в рассказе купца служителям церкви: «и обрѣтохъ утварь, лежащу **саму о себѣ** пред иконою ея».

Второе чудо, тема которого также разрабатывается Мяндиным в списке Т, – это сокрытие иконой потери своего убранства – все то время («все лѣто»), что купец торговал, используя богатую «утварь» иконы, никто не замечал ее отсутствия на иконе, и обнаружилась ее пропажа только с возвращением купца после «гостьбы». Разрабатывая тему этого второго чуда, Мяндин вводит целый фрагмент, подчеркивая удивление своего героя услышанным от служителей церкви, которые рассказали ему, что уже «три дни» «погибе от иконы Богородицыны драгая утварь», хотя купец завладел ею год назад: **«Купецъ же слышавъ таковыя глаголы, и дивися в себѣ, како чрезъ годишное время не бѣ онъ, а утварь та явися тогда, когда онъ уже возвратися в домъ свой»**. Здесь выражение **«а утварь та явися»** по контексту означает, что на самом деле «явились» следы ее пропажи. Тексты Мяндинских переделок зачастую свидетельствуют о том, что печорский крестьянин не всегда справлялся со стилем и логикой изложения событий. Сравним мяндинское описание реакции

купца на известие о пропаже украшений иконы с соответствующим фрагментом списка К: «И начаша заповѣдати по граду, кто есть возмѣ утварь на иконѣ», а когда купец пришел в церковь, «начаша повѣдати погибшую утварь на иконѣ 3 дни». Ни о каком удивлении купца здесь речи не идет – дальше следует рассказ купца о том, что он «взялъ утварь на иконѣ, понеже быхъ убожалъ», и о всех последующих событиях. Как видим, чтобы эмоционально усилить мотив чуда, Мяндин передает чувства героя-участника событий («дивися в себѣ») и его мысли: купец недоумевает, как могло случиться, что он торговал с помощью взятой у иконы «утвари» целый год, а пропажа «утвари» «явися» только три дня назад. Это хронологическое указание Мяндин еще раз повторяет уже в рассказе купца служителям церкви: «И се **точно три дни** возвратихся во свой градъ».

Временная дистанция между получением купцом «утвари» от иконы и моментом обнаружения «церковниками» ее пропажи подчеркивается Мяндиным еще одной вставкой: говоря о времени обнаружения утраты «утвари» на иконе, Мяндин добавляет «И **по времени многомъ** внидоша церковницы в церковь...» (ср. в К: «И внидоша нѣции в церковь...»). Благодаря всем этим уточнениям и разъяснениям, внесенным печорским редактором, факт чуда – сокрытия иконой Богородицы от глаз посторонних утраты своих украшений до того момента, когда купец уже смог бы вернуть их иконе, – становится еще более очевидным.

Это второе чудо иконы Богородицы, по-видимому, показалось Мяндину более удивительным, чем первое – дарение купцу богатой утвари, так как он сделал одну перестановку, которая об этом свидетельствует: слова благодарности купца Богу и Богородице, несколько перефразированные по сравнению со списком К, он помещает сразу после вставного фрагмента об удивлении вернувшегося героя, что его «воровство» иконной утвари из церкви (а именно так оно могло бы выглядеть, если бы сразу обнаружилась пропажа) икона сокрыла до его возвращения с наторгованным богатством. «И **тогда**, – читаем мы в списке Т, – купецъ нача благодарити Бога и пречистую Богородицу». В списке К трактовка благодарности купца Богородице иная: «И по **лѣтъ** возвратися в домъ свой со **многимъ** богатствомъ, славяще святую Богородицу». Таким образом, прославление Богородицы в К связывается с обретением купцом богатства благодаря помощи Богородицы, что вполне вписывается в развитие сюжета, но, усилив мотив второго чуда от иконы, печорский книжник связал именно с ним благодарность купца его покровительнице.

Такое заострение сюжета в версии Мяндина на чудесной стороне описываемых в повести событий поддерживается и ее заглавием в этом списке – «**Чудо** пресвятыя Богородицы о купцѣ, како обнищавшу ему, обогатися утварию пресвятыя Богородицы». Как мы сообщили в начале статьи, два других списка Повести дают ей иные жанровые обозначения – «Слово» (К) и «Повесть» (Як).

В списке Т можно проследить и целый ряд мелких дополнений уточняющего и мотивирующего характера, которые отсутствуют в раннем списке К: ускоряется действие («И **абие** поятъ ю («утварь») ... – Т; «И возмѣ... – К); одно событие связывается с другим лексической связкой («И **оттолѣ** начать куплю дѣяти» – Т; «И пришед в гостѣбу, начать куплю дѣяти» – К); уточняется объект рассказа («повѣдати **ему**» – Т; «начаша повѣдати» – К). Уточнения Т иногда носят и более развернутый характер:

| К                                             | Т                                                                                                                                             |
|-----------------------------------------------|-----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|
| И то слышавъ купецъ онъ и прииде в церковь... | Слышавъ же купецъ <b>той, яко утварь ту испытуютъ по всему граду</b> , и прииде в церковь, поклонися <b>пред иконою</b> пресвятыя Богородицы. |

Таковы особенности мяндинского списка Повести из Торжественника. Что же представляет собой другой печорский список и почему он показался нам вторичным? Главное основание для такой гипотезы – стиль Повести в этом списке. Как и во многих других переработках Мяндина, он отражает новую (часто третью) стадию освоения печорским книжником древнерусского сюжета. Алгоритм редакторской работы Мяндина при создании нескольких списков древнерусских повестей был выявлен Е.К. Ромодановской на материале исследованной ею мяндинской переработки Повести о гордом царе Аггее [14, с. 220–225]. Он состоял в том, что первый вариант переработки обычно был близок к тексту источника и редакторская работа в основном ощущалась в тех эпизодах, которые были близки крестьянскому опыту редактора; на второй стадии Мяндин работал главным образом над стилем, устраняя погрешности и неточности первого варианта, а в третьем списке читателю предлагался уже достаточно свободный пересказ сюжета, как правило языком самого Мяндина, соединявшего фрагменты древнерусского текста с собственными высказываниями, в которых ощущается язык крестьянина XIX в., а также обнаруживаются характерные для крестьян-устыцилемов (к которым принадлежал и Мяндин) нарушения синтаксических конструкций, ошибки в падежах. Если применить этот «алгоритм» к переработке Повести о купце, то списки Т и Як будут соответствовать второй (Т) и третьей (Як) стадиям обычной редакторской работы Мяндина. Возможно, существовал еще один список Мяндина, возникший в начале его работы над сюжетом понравившейся повести, но он до нас не дошел. Приведем примеры дальнейшей переработки Мяндиным текста в списке Як.

Как и в списке Т, во втором списке Мяндина сохранились рудименты архетипного текста Повести, дословно совпадающие во всех трех списках. Я привела выше и случаи, когда Мяндин снова обращался к тексту своего источника, но выбирал из него другие, чем в списке Т, фрагменты текста. Сохранил он и многие чтения списка Т, что тоже мы показали выше. Но в списке Як есть целые фрагменты другого, чем в К и Т, текста и многочисленные отдельные оригинальные чтения. Так, рассказывая о молитве купца в церкви перед иконой Богородицы, повлекшей чудесное обретение им «утвари» от иконы, Мяндин, используя некоторые архетипные чтения источника, дополняет их уточняющими выражениями, не совпадающими с первым его списком Т: «Единою же пришед человекъ той в церковь и **па[д] пред иконою** пресвятыя Богородицы и рече со **многими** слезами...» (Як; ср. в К: «И пришедъ человекъ ко иконѣ святыя Богородица, *со слезами* глаголаше...»; в Т: «Той же человекъ *плачяся вельми* пред иконою...»). Таким же образом обработан в Як и фрагмент об отклике Богородицы на молитвы купца: «**Всемиловитая же небесная царица и госпожа пречистая** Богородица услыша **теплыя молитвы человека онаго сицевым образом**» (ср. в К: «И услыша плачь его Богородица»; в Т: «Пресвятая же Богородица услыша его плачь сердечный»). Увидев лежащие пред иконой ее богатые украшения, в Як «человекъ же онъ **возрадовася радостию, паче же и недежду велию обь-**

емя, возьмь утварь оную и отиде» (ср. в К: «И возмзя, идяше в домъ свой, радуясь...»; в Т: «И абие поять ю с радостию и иде в домъ свой ...»). Во всех приведенных примерах в списке Як Мяндин лишь отталкивается от текста своих источников (какого-то раннего списка, близкого к К, и своего первого списка Т), вводя новые слова и выражения: так, он в наименовании Богородицы увеличивает число традиционных ее наименований: «всемилющая», «небесная царица», «госпожа», «пречистая»; вносит в описание зримые подробности: купец, придя в церковь, падает пред иконой, уходя из церкви с «утварью» иконы, он не только «возрадовася радостию», но и «неждею велию объемся». Весьма характерна и замена в списке Як в сообщении о том, что «церковницы» «начаша заповѣдывати по всему граду» о пропаже убранства иконы, глагола «взял» («возмзя» в К; «взя» в Т) на **«украде»**, передающая осмысление Мяндиным на этой стадии работы описываемого происшествия: «И начаша заповѣдывати по всему граду, кто есть **украде** утварь оную». Передавая содержание рассказа служителей церкви пришедшему в нее купцу, Мяндин в списке Як прибавляет к тексту списка Т («яко уже три дни погипе от иконы ... утварь») слова о неведении «церковников», куда она подевалась: **«и не въмы, кто оную взя»**. Все эти изменения, внесенные в список Як, создают впечатление вторичности этого списка, в котором Мяндин пытался заново передать более простым языком и с большими деталями сюжет Повести.

Однако, по-видимому, эта работа над текстом Повести в списке Як не была доведена печорским редактором до конца: список Як заканчивается текстом, который не стыкуется с предшествующим, хотя по содержанию он вполне мог быть последней фразой Повести в этом списке, так как в нем речь идет о главной ее героине – Богородице, хотя имя ее не названо ни в этом тексте, ни в предшествующем: «Еи же молитвами вси избавимся от мук ...». Этот текст следует сразу за фрагментом, упоминающим, как и в Т, об удивлении присутствующих в церкви рассказом купца о приобретении им спасительного для него убранства иконы и его годичной торговле в другом месте: «Се же слышавше вси, дивишася, како чрез годищное время не яви никому о погибшей утвари, но по возвращении из гозбы». Обе приведенные фразы списка Як производят впечатление недоработанных, это как бы заготовки для дальнейшей работы. Формируя финальную часть Повести в списке Як, Мяндин явно ориентировался не на свой предшествующий список, хотя взял именно из него выражение «чрез годищное время», а на последовательность эпизодов в другом своем источнике: в К Повесть заканчивается также мотивом удивления присутствующих в церкви рассказом купца, за которым следует этикетное сообщение о прославлении Богородицы («И се слышавше, удивишася вси, и прославиша святую владычицу нашу Богородицу»). В Т после упоминания о том, что «церковницы дивишася», следует рассказ об украшении купцом иконы новой утварью, «еще драгоцѣннѣе» прежней, и о раздаче нажитого богатства «церковникомъ и нищимъ».

### Выводы

Таким образом, сопоставление двух мяндинских списков Повести о купце со списком XVII в. позволяет увидеть в них два варианта созданной Мяндиным редакции этой повести и выявляет сложную работу печорского книжника над текстом своих источников, которая проявилась в монтировании текста, соединении в нем

своей лексики и фразеологии с чужим текстом, почерпнутым из его источника, в использовании на второй стадии работы как своего предшествующего списка, так и списка нам пока не известного источника, близкого к опубликованному тексту XVII в. Исследование новой переработки талантливого печорского редактора расширяет наши представления о методах его редакторской работы, в которой важную роль играли вводимые им синонимические варианты к лексике его источника, вводимые им фразеологические обороты, позволяющие несколько иначе передать чудесный характер описываемых событий, лучше передать эмоциональное состояние героя. Текст обоих мяндинских списков Повести мы предполагаем опубликовать в ближайшее время в Вестнике гуманитарного факультета Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина.

#### **Литература**

1. Волкова Т.Ф. Древнерусская литература в круге чтения печорских крестьян. Печорские редакции древнерусских повестей. Сыктывкар, 2005.
2. Волкова Т.Ф. Житие Кирилла Белозерского в составе Усть-Цилемского Торжественника. (К вопросу о рукописном наследии печорского книжника И.С. Мяндина) // Книжные центры Древней Руси. Кирилло-Белозерский монастырь СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. С. 411–421.
3. Волкова Т.Ф. Иван Степанович Мяндин – редактор древнерусских повестей. (Некоторые итоги изучения литературного наследия печорского книжника) // ТОДРЛ. СПб., 2006. Т. 57. С. 839–890.
4. Волкова Т.Ф. К вопросу о рукописном наследии печорского книжника И.С. Мяндина. («Торжественник» из собрания Е. И. Тороповой) // Университетские библиотеки: прошлое настоящее, будущее: Материалы международной научно-практической конференции. СПб., 2003. С. 163–170.
5. Волкова Т.Ф. Рукописные сборники печорского книжника И.С. Мяндина // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2011. Т. 10, Вып. 8: Филология. С. 201–215.
6. Волкова Т.Ф. Усть-цилемский книжник И.С. Мяндин: итоги изучения рукописного наследия // Первые мяндинские чтения: Материалы республиканской научно-практической конференции. Сыктывкар, 2009. С. 52–66.
7. Волкова Т.Ф., Носова О.С. Печорские списки «Сказания о битве новгородцев с суздальцами» // Старообрядчество. История. Культура. Современность. Великий Новгород, 2010. С. 274–288.
8. Легенда о купце // Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко. СПб., 1860–1862. Вып. 1. С. 131–134.
9. Малышев В.И. Усть-Цилемские рукописные сборники XVI–XX вв. Сыктывкар, 1960.
10. Малышев В.И. Усть-Цилемский книгописец и писатель XIX в. И.С. Мяндин // Древнерусская книжность. Л., 1985. С. 323–337.
11. Нечаева Т.В. Наблюдения над жанровыми особенностями сказаний о чудотворных иконах // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1995. Сб. 8. С. 103–123.
12. Носова О.С. Сказания об Иверской иконе Богоматери в составе печорских рукописных сборников // Первые Мяндинские чтения. Сыктывкар, 2009. С. 81–100.
13. Носова-Ермолина О.С. «Повесть об огненной туче» (из Жития Прокопия Устюжского) в печорской рукописно-книжной традиции // Вторые Мяндинские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х т. Сыктывкар, 2011. Т. 1. С. 114–121.
14. Ромодановская Е.К. Повести о гордом царе в рукописной традиции XVII–XIX вв. Новосибирск: Наука, 1985.

15. Черторицкая Т.В. Торжественник // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2: Л–Я. С. 432–435.

# References

1. Volkova T.F. *Drevnerusskaja literatura v krugu chtenija pechorskih krest'jan. Pechorskie redakcii drevnerusskikh povestej* [Old Russian literature in the circle of Pechora peasants' reading. Pechora Editions of Old Russian Narratives]. Syktyvkar, 2005. 306 p.
2. Volkova T.F. *Zhitie Kirilla Belozerskogo v sostave Ust'-Cilemskogo Torzhestvennika* (K voprosu o rukopisnom nasledii pechorskogo knizhnika I.S. Myandina) [The Life of Kirill Belozersky in the composition Ust'Tsilma Torzhestvennika (the question of the manuscript heritage Pechora scribe I.S. Myandin)]. *Knizhnye centry Drevnej Rusi. Kirillo-Belozerskij monastyr'* [Book centers of Ancient Russia. Kirillo-Belozersky monastery]. St Petersburg, 2008, pp. 411–421.
3. Volkova T.F. Ivan Stepanovich Myandin – redaktor drevnerusskikh povestej (Nekotorye itogi izucheniya literaturnogo naslediya pechorskogo knizhnika) [Ivan Stepanovich Myandin – editor of Old Russian stories (Some results of studying the literary heritage of the Pechora scribe)]. *Trudy otdela drevnerusskoj literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. St Petersburg, 2006, vol. 57, pp. 839–890.
4. Volkova T.F. K voprosu o rukopisnom nasledii pechorskogo knizhnika I.S. Myandina («Torzhestvennik» iz sobraniya E.I. Toropovoj) [On the issue of the handwritten heritage of the Pechora scribe I. S. Myandin («The solemn» from the collection of E.I. Toropova)]. *Universitetskie biblioteki: proshloe, nastojashhee, budushhee* [University libraries: past, present, future]. St Petersburg, 2003, pp. 163–170.
5. Volkova T.F. Rukopisnye sborniki pechorskogo knizhnika I.S. Myandina [Hand-written collections of the Pechora scribe I.S. Myandina]. *Vestnik Novgosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija, filologija* [Bulletin of Novosibirsk State University. Series history, philology], 2011, vol. 10, pp. 201–215.
6. Volkova T.F. Ust-Tsilma scribe I.S. Myandin: results of the study of manuscript heritage [Ust-Tsilma scribe I.S. Myandin: results of the manuscript heritage study]. *Pervye myandinskie chtenija: Materialy respublikanskoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [The first myandinsky readings: Materials of the republican scientific-practical conference]. Syktyvkar, 2009, pp. 52–66.
7. Volkova T.F., Nosova O.S. Pechorskie spiski o bitve novgorodcev s suzdal'cami [Pechora lists of Legends about the battle of Novgorod and Suzdal]. *Staroobryadchestvo. Istorija. Kul'tura. Sovremennost'* [Old Believers. History. Culture. Modernity]. Velikiy Novgorod, 2010, pp. 274–288.
8. Legenda o kupce [The Legend of the Merchant]. *Pamjatniki starinnoj russkoj literatury, izdavaemye G. Kushelevym-Bezborodko*. [Monuments of ancient Russian literature, published by G. Kushelev-Bezborodko]. St Petersburg, 1860–1862, release 1, pp.131–134.
9. Malyshev V.I. *Ust'-Cilemskie rukopisnye sborniki XVI–XX vv.* [Ust-Tsilma handwritten collections of the XVI–XXth centuries]. Syktyvkar, 1960.
10. Malyshev V.I. Ust'-Cilemskij knigopisec i pisatel' XIX v. I.S. Myandin [Ust-Tsilma the scribe and writer of the XIXth century I.S. Myandin]. *Drevnerusskaja knizhnost'* [Old Russian book culture]. Leningrad, 1985, pp. 323–337.
11. Nechaeva T.V. Nabljudeniya nad zhanrovymi osobennostjami skazaniy o chudotvornyh ikonah [Observations over genre features of legends about miraculous icons]. *Germenevtika drevnerusskoj literatury* [Hermeneutics of Old Russian Literature]. Moscow, 1995, vol. 8, pp. 103–123.
12. Nosova O.S. Skazaniya ob Iverskoj ikone Bogomateri v sostave pechorskih rukopisnykh sbornikov [Legends about the Iberon Icon of the Mother of God as part of the Pechora manuscript collections]. *Pervye Myandinskie chtenija*. [The first Myandin readings]. Syktyvkar, 2009, pp. 81–100.

13. Nosova-Ermolina O.S. "Povest' ob ognennoj tuche" (iz Zhitija Prokopija Ustjuzhskogo) v pechorskoj rukopisno-knizhnoj tradicii ["The Story of a Fiery Cloud" (from the Life of Prokopy Ustyuzhsky) in the Pechora Manuscript-Book Tradition]. *Vtorye Myandinskie chtenija. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [Second Myandin Readings. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference]. Syktyvkar, 2011, vol. 1, pp. 114–121.

14. Romodanovskaja E.K. *Povesti o gordom care v rukopisnoj tradicii XVII–XIX vv.* [The story of the proud king in the manuscript tradition of the XVII–XIXth centuries]. Novosibirsk, 1985.

15. Chertorickaja T.V. Torzhestvennik [The solemnist]. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi* [Dictionary of scribes and bookishness of Ancient Russia]. Leningrad, 1989, vol. 2, pp. 432–435.

---

Для цитирования: Волкова Т.Ф. Роль лексических и фразеологических вариантов в установлении редакций древнерусских сочинений (на материале печорских списков «Повести о купце, обогатившемся утварию Пресвятой Богородицы») // Вестник Череповецкого государственного университета. 2018. №5(86). С. 51–62. DOI: 10.23859/1994-0637-2018-5-86-6

For citation: Volkova T.F. The role of lexical and phraseological variants in the establishment of editorials of the ancient compositions (on the material of the pechoristic lists "To remember about the merchant, enriched with the utensils of the blessed virgin"). *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2018, no. 5 (86), pp. 51–62. DOI: 10.23859/1994-0637-2018-5-86-6